

Научная статья

УДК 343.847

doi: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).4.580-588

РАЗВИТИЕ ТЕХНОЛОГИЙ КОНТРОЛЯ ЗА ОСУЖДЕННЫМИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Надежда Андреевна Силантьева¹

¹ Сургутский государственный университет, г. Сургут, Россия, nade2010@yandex.ru,
<https://orcid.org/0009-0001-0043-877X>

Аннотация. Предметом исследования являются эволюция и модернизация цифровых технологий контроля за осужденными, отбывающими наказание, не связанное с лишением свободы, в контексте исторического и правового развития уголовно-исполнительной системы. Объектом исследования выступают процессы внедрения и использования цифровых технологий как в российской, так и в международной практике. Анализируется влияние научно-технического прогресса, социально-экономических факторов и государственной политики на формирование электронного мониторинга. Особое внимание уделяется сравнению отечественного и зарубежного опыта, включая практики США, Великобритании и стран Европейского союза. Рассматриваются ключевые проблемы внедрения цифровых средств надзора в России, а также перспективы их дальнейшего совершенствования с учетом мировых тенденций. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на реализуемые стратегии, масштабы применения цифрового мониторинга в России пока значительно уступают практике западных стран, где электронный контроль осужденных стал неотъемлемым элементом уголовной политики. Для успешной интеграции современных технологий в отечественную уголовно-исполнительную систему необходимо восполнение существующих нормативных пробелов, модернизация технической инфраструктуры, а также адаптация зарубежного опыта с учетом национальных правовых и институциональных особенностей.

Ключевые слова: электронный мониторинг, уголовно-исполнительная система, цифровые технологии, контроль за осужденными, правовое регулирование

Для цитирования

Силантьева Н. А. Развитие технологий контроля за осужденными: историко-правовой анализ // Человек: преступление и наказание. 2025. Т. 33(1–4), № 4. С. 580–588. DOI: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).4.580-588.

Original article

DEVELOPMENT OF TECHNOLOGIES FOR MONITORING CONVICTS: HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS

Nadezhda Andreevna Silantieva¹

¹ Surgut State University, Surgut, Russia, nade2010@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-0043-877X>

Abstract. The subject of the study is the evolution and modernization of digital technologies for monitoring convicts serving non-custodial sentences in the context of the historical and legal development of the penal system. The object of the research is the processes of introduction and use of digital technologies in both Russian and international practice. The influence of scientific and technological progress, socio-economic factors and government policy on the formation of electronic monitoring is analyzed. Special attention is paid to the comparison of domestic and foreign experience, including the practices of the USA, Great Britain and the countries of the European Union. The key problems of introducing digital surveillance tools in Russia, as well as the prospects for their further improvement, taking into account global trends, are considered. The conducted research allows us to conclude that, despite the strategies being implemented, the scale of digital monitoring in Russia is still significantly inferior to the practice of Western countries, where electronic monitoring of convicts has become an integral element of criminal policy. For the successful integration of modern technologies into the domestic penal system, it is necessary to fill existing regulatory gaps, modernize the technical infrastructure, as well as adapt foreign experience, taking into account national legal and institutional characteristics.

Keywords: electronic monitoring, penal system, digital technologies, control over convicts, legal regulation

For citation

Silantyeva, N. A. 2025, 'Development of technologies for monitoring convicts: historical and legal analysis', *Man: crime and punishment*, vol. 33(1–4), iss. 4, pp. 580–588, doi: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).4.580-588.

В выступлении на Петербургском международном экономическом форуме в 2023 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин отметил, что Россия является одной из ведущих стран в сфере цифровизации, охватывающей как гражданскую, так и административную сферы¹. Этот процесс затрагивает и уголовно-исполнительную систему (УИС), в которой цифровые технологии становятся не только инструментом контроля за осужденными, отбывающими наказание, не связанное с лишением свободы, но и важным фактором модернизации всей системы исполнения наказаний. Понимание сущности цифрового мониторинга и его исторического развития необходимо для объективной оценки влияния этих технологий на уголовную политику, правосудие и права человека

¹ См.: Путин В. В. назвал Россию одним из мировых лидеров в области цифровизации. URL: <https://www.kp.ru/online/news/5319482>.

в условиях стремительной цифровой трансформации. Следует отметить, что средства цифрового слежения за осужденными прошли длительный путь развития, отражая изменения в социально-экономической, политической и технологической сферах.

До появления цифровых технологий государства использовали различные механизмы отслеживания лиц, избежавших тюремного заключения, но находившихся под надзором властей. Во многих европейских странах, а также в Российской империи применялась система поручительства, при которой осужденного передавали на поруки третьему лицу или общине. При этом «пределы применения поручительства по Своду законов состояли в тяжести совершенного преступления, а именно ст. 880 гласила о том, что «отдача на поруки допускалась лишь по таким преступлениям, по которым не предусмотрено тяжкого наказания» [1, с. 129].

Некоторые государства внедряли системы идентификации правонарушителей с использованием специальных документов или меток. Как справедливо заметила И. А. Дзугова, «одним из краеугольных вопросов успешности уголовного преследования был вопрос об идентификации личности» [2, с. 79]. В ряде стран преступников, избежавших заключения, клеймили. Наложение клейма было сохранено и в Своде законов Российской империи 1832 и 1842 годов, и в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года [3, с. 104].

Впоследствии в Англии стали применяться методы надзора над освобожденными каторжниками, а в 1860-х годах начали внедрять систему пробации, при которой осужденные обязаны были регулярно отчитываться перед инспекторами пробации. В 1907 г. этот надзор получил законодательную основу, которая позволяла судам назначать и нанимать сотрудников службы пробации [4, с. 137].

Франция и Германия в XIX в. внедрили систему регистрации бывших преступников, предполагающую обязательную явку в полицию через установленные промежутки времени. Россия ввела письменную регистрацию в 1870 г. [3, с. 107]. Этот метод можно считать прообразом современных систем электронного мониторинга, при которых осужденные обязаны регулярно подтверждать свое местоположение.

В США одним из первых методов контроля над преступниками, избежавшими тюрьмы, стала система условно-досрочного освобождения и пробации, введенная в середине XIX века. Надзор осуществлялся с помощью личных встреч с инспекторами, а позднее через телеграфные сообщения между правоохранительными органами разных штатов. Тогда же стало очевидным, что надзор без лишения свободы требует гораздо меньших расходов, чем надзор в исправительном учреждении, и что он более эффективен [5, с. 122].

После Октябрьской революции 1917 г. контроль за осужденными в России претерпел кардинальные изменения. Формирование новой уголовно-исполнительной системы происходило на фоне социально-экономических потрясений, политической нестабильности и смены концептуального подхода к наказаниям. В условиях социалистического государства наказание за преступления приобрело карательный и идеологический характер, где преступник воспринимался не только как нарушитель закона, но и как потенциальный враг государства: «Гражданин, который совершит преступление, разрывает свой союз с обществом, а поэтому перестает быть гражданином этого общества. Такой человек становится врагом общества, и поэтому государство может поступать против преступника как против своего врага...» [6, с. 107].

В западных странах развитие технологий контроля за осужденными шло иным путем. Здесь главным вектором развития стало стремление к индивидуализации наказания,

что обусловило внедрение пробационных систем, альтернативных форм контроля и в конечном итоге электронного мониторинга.

Советский Союз пошел по пути тотального контроля за осужденными, что особенно отчетливо проявилось в создании системы исправительно-трудовых лагерей (ГУЛАГ) [7, с. 108]. Несмотря на отсутствие цифровых технологий, учет заключенных был организован с высокой степенью детализации. Применение перфокарт и картотечных систем, разработанных в 1930-е годы, позволило осуществлять централизованное ведение данных о заключенных, их передвижениях и трудовой деятельности. На наш взгляд, этот период можно рассматривать как уверенный переход к созданию автоматизированных систем надзора, пусть и не в цифровом формате, но с четкой структурой хранения и обработки информации. После смерти Сталина и ликвидации ГУЛАГа в 1950-е годы система надзора за осужденными была реформирована. Одним из ключевых рычагов трудового перевоспитания в советской тюрьме являлась возобновленная в 1954 г. практика условно-досрочного освобождения, были внедрены также новые механизмы учета, основанные на использовании компьютерных технологий [8, с. 760].

В 1960–1970 гг. в МВД СССР начали появляться первые компьютеризированные базы данных преступников [9, с. 424]. Внедрение компьютеров в деятельность правоохранительных органов позволило более эффективно анализировать информацию, но говорить о полноценном цифровом мониторинге еще не приходилось.

В 1980-е годы в Советском Союзе были предприняты первые попытки создания автоматизированных систем слежения за осужденными [10, с. 19]. В этот период разрабатывались технологии радиочастотного мониторинга для отслеживания передвижений условно осужденных, но до полноценного внедрения этих решений в практику дело так и не дошло. Советская пенитенциарная система по-прежнему придерживалась традиционных методов наблюдения.

В отличие от СССР, в западных странах развитие технологий контроля за осужденными происходило в рамках либеральных реформ уголовного правосудия. В США еще в 1920-х годах началась разработка централизованных систем учета преступников, что привело к созданию Федерального бюро расследований (англ. Federal Bureau of Investigation, FBI) и его первых национальных баз данных [11, с. 31].

Существенный прорыв произошел в 1983 г., когда начались первые эксперименты с электронными средствами контроля. Судья Дж. Лав из города Альбукерке предложил предпринимателю М. Госсу создать систему для наблюдения за группой осужденных. В результате был разработан первый электронный браслет, который передавал сигнал на приемник, установленный в доме правонарушителя. В случае попытки снять браслет или выйти за пределы разрешенной зоны система автоматически отправляла сигнал тревоги в полицию [12]. Спустя год компания Controlled Activities Corporation запустила серийное производство подобных устройств, а компания Digital Products Corporation представила усовершенствованный вариант браслета, который не требовал регулярной замены батареи. Судебные органы одобрили эксперимент по их использованию [13].

В Великобритании и Франции обсуждение возможности применения электронного контроля началось в 1981 г., однако на практике он был внедрен только в 1990-х годах. По мнению И. Н. Медведевой, одной из причин возникновения и развития технологий электронного мониторинга в 1980–1990-е годы в большинстве стран можно назвать переполненность тюрем в результате чрезмерного применения тюремного заключения [14, с. 328].

После распада Советского Союза криминогенная обстановка в России и странах СНГ резко ухудшилась, что привело к необходимости реформирования уголовно-исполнительной системы [15, с. 211]. Прежняя система, основанная на строгих карательных мерах, оказалась неэффективной в условиях глубокого экономического кризиса и массовой преступности. Переполненность мест лишения свободы и значительные затраты на содержание осужденных требовали поиска альтернативных подходов к исполнению наказаний. В то же время в странах Запада, особенно в США, уже активно применялись более сложные системы слежения, включая биометрические устройства, способные распознавать голос, лицо или отпечатки пальцев. Эти технологии позволяли существенно снизить нагрузку на пенитенциарные учреждения, обеспечивая при этом эффективный контроль за осужденными [16, с. 207].

Российские ученые и практики изучали зарубежный опыт, в частности электронный мониторинг в США и странах Европы. В первой половине 1990-х годов в научных публикациях начали появляться предложения о внедрении электронных браслетов для контроля лиц, освобожденных условно-досрочно или осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы. Однако на практике такие инициативы реализованы не были, во многом из-за экономических трудностей и отсутствия соответствующей нормативно-правовой базы.

Ключевым этапом стала вторая половина 2000-х годов. В этот период Европейский союз предоставил России финансовую поддержку в виде гранта, целью которого было содействие в развитии системы электронного мониторинга осужденных. В рамках инициативы российские специалисты получили возможность изучить опыт европейских стран, где электронные браслеты уже зарекомендовали себя как эффективный инструмент надзора. Одним из ключевых направлений реализации проекта стало тестирование электронных средств контроля в пилотных регионах России. Для этого были закуплены современные устройства, оснащенные системой спутникового слежения GPS и радиочастотными технологиями. Эти устройства позволяли в режиме реального времени отслеживать местоположение осужденных и фиксировать любые попытки нарушения установленных ограничений [17, с. 125].

Принципиальное значение для дальнейшего развития технологий контроля за осужденными имел Федеральный закон от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы», который внес поправки в ст. 60 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, предоставив уголовно-исполнительным инспекциям полномочия в использовании аудиовизуальных, электронных и иных технических средств для контроля за осужденными, отбывающими наказание в виде ограничения свободы.

Не менее существенную роль в развитии данной сферы сыграла принятая в 2010 г. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, в рамках которой были определены основные направления использования системы электронного мониторинга, включая контроль за осужденными и подозреваемыми, находящимися под домашним арестом или под запретом определенных действий.

Перечень технологических средств, применяемых в системе, был определен постановлением Правительства Российской Федерации от 31 марта 2010 г. № 198 «Об утверждении перечня аудиовизуальных, электронных и иных технических средств

надзора и контроля, используемых уголовно-исполнительными инспекциями для обеспечения надзора за осужденными к наказанию в виде ограничения свободы». Важнейшим элементом системы электронного мониторинга являлся электронный браслет, который фиксировал перемещения осужденных и был защищен от несанкционированного снятия. Его сигналы принимались контрольными устройствами, которые были двух видов: стационарными и мобильными, что давало возможность отслеживать перемещения осужденных как в определенной зоне, так и за ее пределами.

Таким образом, благодаря поддержке Европейского союза и применению современных технологий, в России была создана система электронного мониторинга осужденных. Она не только обеспечила соблюдение установленных ограничений, но и способствовала сокращению числа повторных преступлений, одновременно снизив нагрузку на пенитенциарные учреждения. Однако, несмотря на положительные сдвиги, практика применения электронного мониторинга в России столкнулась с рядом проблем. Прежде всего это недостаточная техническая оснащенность и ограниченная инфраструктура. Так, электронные браслеты функционируют в оптимальном режиме при температуре не ниже 5° С, а во многих регионах нашей страны климатические условия намного суровее, например, средняя полоса России, территории Сибири и Крайнего Севера [18, с. 124].

В рамках Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года одним из ключевых направлений, отмеченных в четвертом разделе, является цифровая трансформация уголовно-исполнительной системы, и, несмотря на заявленные цели, практика внедрения цифровых технологий в этой сфере остается ограниченной. Использование электронных браслетов и других средств мониторинга все еще носит точечный характер, а технические и организационные проблемы препятствуют их широкому применению.

В отличие от России, в развитых странах, таких как США, Великобритания, Франция, технологии электронного контроля применяются массово, охватывая широкий спектр преступлений и категорий осужденных. В этих странах электронный мониторинг рассматривается как эффективная альтернатива тюремному заключению, позволяя снизить нагрузку на пенитенциарную систему и способствуя реабилитации осужденных. В России же основным инструментом остается электронный браслет, работающий по радиочастотному или спутниковому принципу, к тому же его применение сдерживается как законодательными ограничениями, так и недостаточным финансированием.

По нашему мнению, основными причинами сравнительно ограниченного распространения электронного мониторинга в России являются:

1) институциональные барьеры, включая бюрократическую сложность принятия решений, недостаточную подготовку кадров и несовершенство нормативно-правовой базы. Несмотря на существующие законодательные инициативы, правоприменительная практика остается неоднородной;

2) низкий уровень технической оснащенности уголовно-исполнительной системы. Внедрение современных цифровых средств требует значительных финансовых вложений, разработки надежной инфраструктуры. В ряде случаев устаревшие технологии и технические сбои снижают доверие к системе электронного мониторинга, что затрудняет его широкое применение;

3) сохранение в российском обществе устойчивой традиции восприятия наказания как меры карательного воздействия, тогда как электронный мониторинг во многом направлен на ресоциализацию осужденных. В условиях, когда пенитенциарная система

исторически ориентирована на изоляцию преступников, переход к альтернативным формам контроля требует серьезных изменений в общественном сознании и подходах к уголовной политике.

Для решения данных проблем необходим комплексный подход. Требуется дальнейшее совершенствование нормативно-правовой базы, включая четкое определение оснований для применения электронного мониторинга и разработку единых стандартов его использования. Более того, необходимо усиление технической поддержки, модернизация оборудования и создание эффективной системы мониторинга, исключающей технические сбои.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что развитие цифровых технологий слежения за осужденными, отбывающими наказание, не связанное с лишением свободы, представляет собой закономерный процесс, обусловленный эволюцией уголовно-исполнительной политики, научно-технического прогресса и социально-экономических факторов. Анализ исторических этапов данного явления демонстрирует, что цифровой мониторинг является логическим продолжением традиционных механизмов контроля, используемых государством на протяжении нескольких столетий.

Современный этап развития характеризуется стремлением к цифровой трансформации уголовно-исполнительной системы, что зафиксировано в государственных стратегиях. Тем не менее масштабы применения цифрового мониторинга в России пока уступают западным странам, где электронный контроль осужденных стал неотъемлемой частью уголовной политики. Для успешной интеграции современных технологий в российскую практику необходимо восполнение нормативных пробелов, совершенствование технической инфраструктуры и адаптация международного опыта с учетом национальных особенностей уголовно-исполнительной системы.

Список источников

1. Зиновьева Е. С. Эволюция института поручительства в отечественно-процессуальном законодательстве XIX века // *Юридическая наука и практика : вестник Нижегородской академии МВД России.* 2020. № 4(52). С. 128–133.
2. Темирова Ф. М., Дзугова И. А. Исторические аспекты применения методов идентификации человека в правоохранительной сфере // *Вестник науки.* 2018. № 9(9). С. 79–81.
3. Койсин А. А. История становления и развития уголовной (криминалистической) регистрации // *Сибирский юридический вестник.* 2018. № 2. С. 104–115.
4. Анисимов С. А. К вопросу об истории становления и развития пенитенциарного направления в Англии // *Пробелы в российском законодательстве.* 2019. № 6. С. 135–139.
5. Кубанцев С. П. Применение probation и досрочного освобождения от отбытия наказания в виде лишения свободы в США // *Журнал российского права.* 2006. № 1(109). С. 121–131.
6. Упоров И. В. Преступники – враги общества (из истории российской уголовно-правовой мысли конца XVIII – начала XIX в.) // *Общество и право.* 2006. № 2(12). С. 106–109.
7. Бердинских В. А. ГУЛАГ как неизбежность развития советской системы (1920-е годы) // *Известия Коми НЦ УрО РАН.* 2023. № 1(59). С. 103–110.
8. Сальникова А. А., Герасимова Е. А. Советская политическая тюрьма 60–70-х годов XX века: концепция власти и повседневные реалии // *Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки.* 2016. Т. 158. Кн. 3. С. 754–764.

9. Мгедлидзе Р. Л. К вопросу об истории возникновения и развития информационных систем, используемых в раскрытии преступлений // Актуальные проблемы российского права. 2007. № 2. С. 419–425.

10. Хабаров А. В. Исторический опыт применения технических средств обеспечения безопасности осужденных и персонала в уголовно-исполнительной системе России // Уголовно-исполнительное право. 2011. № 2. С. 16–21.

11. Левин Я. А. Бюро расследований в период Первой мировой войны: кратковременное могущество // Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана. 2016. № 1(2). С. 24–33.

12. Bohn, J., Coroama, V., Langheinrich, M., Mattern, F. & Rohs, M. 2004, 'Livingina World of Smart Everyday Objects- Social, Economic and Ethical Implications', *Journal of Human and Ecological Risk Assesment*, iss. 5, vol. 10, pp. 763–786.

13. Gable, R. 2009, 'Leftto theirowndevices: shouldmanufacturersof of fender monitoring equipment reliable fordesignd efect?', *Journal of law, technology & policy*, iss. 2, pp. 336–399.

14. Медведева И. Н. О некоторых особенностях применения электронного мониторинга поднадзорных лиц в странах Европейского союза // Право и управление. 2024. № 9. С. 327–332.

15. Майстренко Г. А. Реформирование системы исполнения наказаний в Российской Федерации: пути, решения // Право и управление. 2023. № 3. С. 211–214.

16. Тимофеева Е. А. История развития и опыт применения электронного мониторинга в зарубежных странах // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2018. № 3. С. 206–215.

17. Душкин А. В. Исторические и технические аспекты создания системы электронного мониторинга подконтрольных лиц в России // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2012. № 2. С. 124–128.

18. Голубцова К. И., Давлетшина К. И. Проблемные вопросы эксплуатации систем электронного мониторинга подучетных лиц в Федеральной службе исполнения наказаний и перспективные направления их решения // Вестник Самарского юридического института. 2021. № 5(46). С. 122–127.

References

1. Zinovieva, E. S. 2020, 'The evolution of the institution of surety in the domestic procedural legislation of the 19th century', *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 4(52), pp. 128–133.

2. Temirova, F. M. & Dzugova, I. A. 2018, 'Historical aspects of the application of human identification methods in the law enforcement sphere', *Bulletin of Science*, iss. 9(9), pp. 79–81.

3. Koisin, A. A. 2018, 'The history of the formation and development of criminal (criminalistic) registration', *Siberian Law Bulletin*, iss. 2, pp. 104–115.

4. Anisimov, S. A. 2019, 'On the question of the history of the formation and development of the penitentiary system in England', *Gaps in Russian legislation*, iss. 6, pp. 135–139.

5. Kubantsev, S. P. 2006, 'The use of probation and early release from serving a sentence of imprisonment in the USA', *Journal of Russian Law*, iss. 1(109), pp. 121–131.

6. Uporov, I. V. 2006, 'Criminals are enemies of society (from the history of Russian criminal law thought at the end of the XVIII – beginning of the XIX century)', *Society and Law*, iss. 2(12), pp. 106–109.

7. Berdinskikh, V. A. 2023, 'GULAG as the inevitability of the development of the Soviet system (1920s)', *Izvestiya Komi NC Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, iss. 1(59), pp. 103–110.

8. Salnikova, A. A. & Gerasimova, E. A. 2016, 'The Soviet political prison of the 60–70s of the XX century: the concept of power and everyday realities', *Scientific notes of Kazan University. The Humanities series*, vol. 158, book 3, pp. 754–764.

9. Mgedlidze, R. L. 2007, 'On the history of the emergence and development of information systems used in the detection of crimes', *Actual problems of Russian law*, iss. 2, pp. 419–425.

10. Khabarov, A. V. 2011, 'The historical experience of using technical means to ensure the safety of convicts and staff in the Russian penal system', *Penal law*, iss. 2, pp. 16–21.

11. Levin, Ya. A. 2016, 'Bureau of Investigation during the First World War: short-term power', *New historical perspectives: from the Baltic to the Pacific Ocean*, iss. 1(2), pp. 24–33.

12. Bohn, J., Coroama, V., Langheinrich, M., Mattern, F. & Rohs, M. 2004, 'Livingina World of Smart Everyday Objects- Social, Economic and Ethical Implications', *Journal of Human and Ecological Risk Assesment*, iss. 5, vol. 10, pp. 763–786.

13. Gable, R. 2009, 'Leftto theirrowndevices: shouldmanufacturerssof of fender monitoring equipment reliable fordesignd efect?', *Journal of law, technology & policy*, iss. 2, pp. 336–399.

14. Medvedeva, I. N. 2024,, 'On some features of the use of electronic monitoring of supervised persons in the countries of the European Union', *Law and management*, iss. 9, pp. 327–332.

15. Maistrenko, G. A. 2023, 'Reforming the penal enforcement system in the Russian Federation: ways, solutions', *Law and management*, iss. 3, pp. 211–214.

16. Timofeeva, E. A. 2018, 'The history of development and experience of using electronic monitoring in foreign countries', *Bulletin of the Voronezh Institute of the FPS of Russia*, iss. 3, pp. 206–215.

17. Dushkin, A. V. 2012, 'Historical and technical aspects of creating an electronic monitoring system for controlled entities in Russia', *Bulletin of the Voronezh Institute of the FPS of Russia*, iss. 2, pp. 124–128.

18. Golubtsova, K. I. & Davletshina, K. I. 2021, 'Problematic issues of the operation of electronic monitoring systems for registered persons in the Federal Penitentiary Service and promising areas for their solution', *Bulletin of the Samara Law Institute*, iss. 5(46), pp. 122–127.

Информация об авторе

Н. А. Силантьева – аспирант кафедры уголовного права и процесса.

Information about the author

N. A. Silantieva – postgraduate student of the criminal law and procedure department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 26.05.2025; одобрена после рецензирования 13.07.2025; принята к публикации 28.11.2025.

The article was submitted 26.05.2025; approved after reviewing 13.07.2025; accepted for publication 28.11.2025.